

Кормили нас очень хорошо, дружба с маршалом Тито была крепкой, а первые два-три дня прибывшим давали по полторы-две порции, так мы изголодались за дорогу.

Трехэтажное здание нашего отделения госпиталя было растянуто как перепонка в букве Н между двумя улицами. Нам в окна с третьего этажа был виден красивый сквер и части обеих улиц, идущих к центру города, где виднелась красивая католическая церковь с двумя одинаковыми колокольнями. Скверик оконтурен низеньким кустарником, посредине цветники и клумбы, стояли скамейки. Раненых в городе было так много (шесть госпиталей!), что солдаты ходящие по городу в одном нижнем белье. Это было обычным явлением, ведь халатов на всех не хватало.

Война шла к концу, немцы отчаянно сопротивлялись, уже был взят Берлин. Хорошо помню праздник Пасхи и вслед за ним День Победы. Что было!!! Приходили школьники во главе с «омладинкой» (комсомолкой) и приносили кулечки с домашним печеньем и черешней. Конечно, их в палаты не пустили, но кулечки сложили в большие корзинки-сапетки с двумя ручками и по два солдата внесли их в каждую палату, где комсомолка сказала коротеньку благодарственную речь. Каждому раненому досталось печенья и черешен. Это было так приятно, так торжественно, что даже сейчас, когда я пишу эти строки, у меня на глазах стоят слезы. Я вспоминаю те теплые благодарные слова, сказанные нам, братьям освободителям.

Восьмого Мая вино лилось рекой, в каждую палату сербы принесли по паре ведер вина, черпали мы его кружками и пили, пили, пили... Похмелье не у всех было благополучным, ведь к концу войны в армии оказались выпущенные из тюрьмы за хулиганство и мелкие преступления. И вдруг такое обильное «возлияние» и бесплатно! Двое ходящих раненых «братались» с